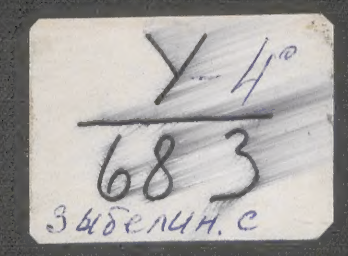

У 4°
68 3
Зыбелин. С

1-й экз.

СЛОВО

О

Пользѣ прививной оспы и о преимуществѣ оной передъ естественною, съ моральными и физическими возраженіями противъ неправомыслящихъ,

на

БЛАГОПОЛУЧНОЕ и ВСЕРАДОСТНОЕ

ОСВОБОЖДЕНІЕ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА,

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА

И

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

ОТЪ

ОСПЫ,

ГОВОРЕННОЕ

ВЪ

ЧРЕЗВЫЧАЙНОМЪ

Императорскаго Московскаго

Университета

СОБРАНІИ

Медицины Докторомъ и Профессоромъ

СЕМЕНОМЪ ЗИБЕЛИНЫМЪ

Декабря 5. дня, 1768. года.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ

Университетѣ 1768. года.

* *

Разсмотримъ прилѣжно мысленными очами ту цѣпь, которая весь разумной свѣтъ содержитъ въ союзѣ и въ непоколебимомъ состояніи! Не въ томъ ли единственно оная состоитъ, чтобъ всякъ старался, сколько возможно, себя совершеннѣйшимъ дѣлать какъ для своей, такъ и для другихъ въ обществѣ пользы. Противное сему разсыпало бы всѣхъ на подобіе безсловесныхъ, и погибали бы всѣ безчисленными образами безъ всякой взаимной помощи. Человѣкъ не для иннаго чего, какъ для удобнѣйшаго приращенія совершенствъ особливымъ предъ прочими твореніями одаренъ есть средствомъ, т. е. разумомъ, которымъ бы онъ всѣ чувствамъ своимъ представленныя разсуждалъ вещи; сравнивая бы оныя между собою одну отъ другой раздѣлялъ безпристрастно, полезнѣйшія бы предпочиталъ естеству своему вредительнымъ, недостаточныя для безпорочнаго употребленія приводилъ бы въ состояніе, пользу ему принести могущее, и наконецъ избиралъ бы изъ всего, что къ его несомнѣнной пользѣ и къ сохраненію служитъ, не по-

читая за противное то, что неповинно и безгрѣшно его совершенство прїумножаетъ: ибо разумное желанїе всевозможнаго себѣ добра не только не возбранено и небогопротивно, но и при самомъ еще началѣ нашего бытїя въ естество наше есть врожденное свойство. Отнявъ невѣжествомъ или пренебреженїемъ оную подпору, все человѣчество содержащую, давно бы ужѐ поколебалась и упала преизящнѣйшая, но почти слабѣйшая естествомъ изъ всѣхъ созданїй часть разумнословесная тварь!

Естьли сїе безъ сомнѣнїя справедливо, то не первое ли мѣсто занимаетъ соблюденїе здравїя и жизни? Не первое ль сїе наше совершенство? Сей дражайшїй даръ, прежде всѣхъ отъ создавшаго насъ Существа въ насъ влїянъ! И такъ должно ли намъ отъ себя противное отвращать? и употребленїе полезныхъ средствъ можно ли почитать за грѣхъ? Нѣтъ! Небеснымъ повелѣнїямъ сопротивляться не надлежитъ! Всевышнїй далъ намъ жизнь, снабдилъ насъ и многоразличными средствами оную сохранять. Думаетъ ли земледѣлецъ, что онъ Богу противится, когда свою землю удобряетъ для того, чтобъ она была со временемъ плодородна, и труды бъ его обильно наградила? Почитаетъ ли кто за преступленїе яблонное на пр. дерево, естьли предвидится, что оное какимъ нибудь образомъ повредиться имѣетъ, омыть, очистить, осыпать, иногда и рану дать, чтобъ впредь отъ онаго отвращена была опасность и лучшей бы плодъ приносило? Никто себѣ никогда еще сего не воображалъ, да и справедливо! Ежели пища и питїе для того созданы, чтобъ мы данную намъ жизнь продолжали, то не противимся Творцу, когда оныя употребляемъ: не противимся Ему, когда отъ зноя солнечнаго или отъ суровости воздуха тѣло покрываемъ наше,

наше, и оныя вредительныя качества всякимъ образомъ отвращаемъ. Когда мореплаватель корабль свой починиваетъ, и во время разрушенія онаго ищетъ своего убѣжища отъ смерти или на малой лодкѣ, или старается на сокрушенной доскѣ спасеніе себѣ получить, противится ли онъ тогда Ему? Никакъ! Естьли не противимся Ему и тогда, когда домъ къ разрушенію и къ поврежденію клонящейся подкрѣпляемъ и не допускаемъ оной до дальнѣйшаго раззоренія: то кольми паче видя и тѣло наше къ сокрушенію и къ паденію слѣдующее защищать разными средствами и охранять отъ предлежащей опасности небогопротивно. Кто можетъ опровергнуть толь справедливое и въ сердце каждаго вдохновенное чувствіе!

Естьли жъ не увѣряяся на семъ въ грѣхъ поставляютъ нѣкоторые тѣло свое отъ болѣзней охранять отъ Бога данными средствами, то не только съ большимъ грѣхомъ таковые на зло употребляютъ данной отъ Него разумъ для пріобрѣтенія всевозможной пользы въ жизни нашей: но паче отъемлютъ у Бога прославленіе за ниспосланной отъ Него намъ даръ, и благоутробіе Его обезсиливаютъ думая, что Онъ запретилъ намъ дѣлать въ пользу нашу то, что Онъ Самъ сотворилъ, чего полезное употребленіе позволилъ и къ чему средства показалъ. Пройди мыслію своею всю тварь, и проникни въ ея союзъ, ниже единую и наималѣйшую увидишь, которая бы отъ Создателя всего міра безъ средствъ для сохраненія своего была оставлена. Онъ давъ всему жизнь и совершенства, далъ и средства оныя не только сохранять, но и пріумножать! Все на средствахъ утверждено, все ими живетъ: ибо видимъ, что все то, что прежде было насъ и нынѣ есть, будетъ тоже и также и послѣ насъ продолжаться помощію тѣхъ же средствъ Творцемъ во всю тварь вліянныхъ, которыми всѣ видимыя существа

для продолженія бытія своего премудро связаны между собою: безъ оныхъ давно бы весь міръ исчезъ, и въ ничто бы обратился!

Изъ сего всякой здраворазсуждающей усмотрѣть можетъ, что человѣкъ здравіе свое и жизнь сохранять обязанъ; ибо въ противномъ случаѣ, не будетъ ли, и не долженъ ли тотъ Богу отвѣтствовать за свою жизнь отъ Него ему данную въ опущеніи предохранительныхъ средствъ, которой на пр. предзная нападеніе на себя непріятелей вооруженныхъ, или видя ужѐ гонящихся за собою и грозящихъ ему смертнымъ орудіемъ, но прежде никакой предосторожности не здѣлавъ, или имѣя случай оныхъ умыслъ отвратить, или бѣгомъ спастися самъ добровольно въ губительныя руки ихъ себя ввергнулъ? Равномѣрно видя кто худой и ломкой ледъ въ одномъ мѣстѣ, не хотя его оставить, и избрать лучшей путь и безопаснѣйшей, по немъ шедъ въ водѣ погрязъ съ пагубою жизни: не долженъ ли такой, говорю я, отдать отвѣтъ за самопроизвольное себя погубленіе, и за неупотребленіе отвратительныхъ средствъ? Всеконечно! Утоплять Божіи благодѣянія въ суевѣріи, и пренебрегать средства Имъ данныя однимъ нехотѣніемъ, есть пренебреженіе спасающаго насъ Существа!

Непосредственно теперь слѣдуетъ надѣюсь изъ сего, что противные случаи тѣлу нашему отвращать мы должны отъ онаго всевозможными средствами. Не упоминая о безчисленныхъ болѣзняхъ, которымъ тѣло наше есть подвержено, предложить я намѣренъ только объ одной, но едва не пагубнѣйшей ли всѣхъ прочихъ, отъ которой никто почти не изключается, но весь родъ человѣческой такъ терзаемъ бываетъ, что четвертая сего часть, не доживъ вѣка своего, пожирается оною, естьли сама собою приходитъ, и

для

для предупрежденія оной не употребится никакова средства. Сія болѣзнь называется *естественная* или *природная оспа*. Средство опасность ея отвращающее, нынѣ изобрѣтенное есть *прививаніе* оной; симъ же образомъ произведенная оспа не безприлично назваться может *привитною*.

Утомлялась доселѣ вся Россія въ смущеніи, ужасалася бѣдственнѣйшихъ слѣдствій, ожидала всеобщаго разрушенія своего покоя, и во всегдашнемъ чрезъ долгое время страхѣ трепетала, чтобъ не погубила сія болѣзнь спасшую ея Избавительницу, всемилостивѣйшую ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ Всероссійскую **ЕКАТЕРИНУ II.** чтобъ не похитила обогащающую ея премудростію Своею и благодѣяніями Монархиню, чтобъ не лишила ея вседражайшей Матери пекущейся о ней непрестанно, чтобъ не поразила наконецъ и будущей ея надежды и утѣшенія Всероссійскаго Наслѣдника Государя Цесаревича и Великаго Князя *ПАВЛА ПЕТРОВИЧА*. Но всесильная рука Всевышняго избавила насъ отъ всѣхъ сихъ опасностей! Исторгла прелюбезное, но почти ужѐ отчаянное наше благоденствіе изъ губительныхъ и хищныхъ рукъ сея болѣзни и намъ, въ знакъ своего къ Россіи благоволенія, паки подала спасеніе. Небесное Провидѣніе даровавъ здравіе и жизнь вселюбезнѣйшей Монархинѣ нашей, оживило и Россію: подавъ вскорѣ потомъ и дражайшему Всероссійскому Наслѣднику избавленіе отъ болѣзни, возстановило на первое блаженство Отечество наше!

Итакъ вторично ужѐ Божіими благодѣяніями Россія обогащена! вторично сыны Отечества восхищенны! вторично и мы въ храмѣ Музамъ посвященномъ радость нашу и усердіе торжественно изъявить долженствуемъ, благодареніе Всемогущему принося о избавленіи отъ болѣзни Всероссійскаго Наслѣдника, въ которомъ будущее мы благополучіе наше и блаженство лобызаемъ!

Сіе

Сїе столь радостное торжество о избавленїи Его Императорскаго Высочества отъ естественной помощїю прививной оспы: и желанїе всемилостивѣйшей ГОСУДАРЫНИ нашей и Матери, чтобъ всѣ отъ оной болѣзни избавлялись, взирая на Ихъ высочайшей примѣръ, подали мнѣ причину говорить въ пользу всего общества о оспѣ. О сей болѣзни настоящее слово мое будетъ, въ которомъ предложу я вопервыхъ различїе естественной отъ прививной оспы; потомъ сравню обѣихъ между собою припадки; покажу послѣдней передъ первой преимущество; послѣ сего сообщу разныя неправомыслящихъ мнѣнїя; наконецъ можно ль и должно ль предпринимать впредь прививную, заключу высочайшими сбывшимися примѣрами въ нашемъ Отечествѣ, которое возсылаетъ еще и понынѣ теплыя ко Всевышнему мольбы о спасенной, средствомъ привитїя, дражайшей МОНАРХИНИ своей: не престаетъ возсылать Ему хвалы за ниспосланное Имъ непоколебимое здравїе Всероссїйскому Наслѣднику признавая сихъ вселюбезнѣйшихъ Особъ бытїе и здравїе за верьхъ всѣхъ своихъ благополучїй.

О вашемъ же, Почтеннѣйшїе Слушатели, сего моего слова вниманїи нимало не дозволяетъ мнѣ сомнѣваться ваша единая съ нами о благополучномъ здравїи дражайшихъ Отечества нашего Особъ чувствительность, единая къ Нимъ сыновняя ваша съ нами ревность и радость, единая всеобщая проистекающая изъ того всѣхъ польза.

Что есть оспа, о семъ говорить я не намѣренъ; ибо всякому сїя болѣзнь есть не безъизвѣстна. О причинѣ же ея, или отъ чего оная происходитъ, т. е. врожденна ли есть человѣку, или отъ родителей сообщается, и со временемъ внутрь тѣла усилившися выходитъ

ходитъ наружу, или отъ ненаблюденія діэты и отъ употребленія привозимыхъ изъ жаркихъ климатовъ къ намъ съѣстныхъ припасовъ, или отъ каковаго бывшаго сначала сообщенія тѣхъ странъ съ жителями, или единственно отъ заразительнаго воздуха, и отъ безъизвѣстныхъ несѣкомыхъ зависитъ, изъяснять равномѣрно къ моему теперь не надлежитъ предмету. Да притомъ и признаться должно, что истинная причина оной до сихъ поръ еще неизвѣстна, хотя и много о семъ остроумные разсуждаютъ, но безплодно. Для сего я умолчу также и о томъ, гдѣ оная, и когда, и какимъ образомъ начало свое возъимѣла, но оставя разныя разныхъ писателей о семъ умствованія, съ большею пользою и извѣстностію приступаю къ показанію ея знаковъ и припадковъ, чтобъ удобнѣе всякому было узнать и различить выгоды прививной оспы передъ естественною какъ во время ихъ дѣйствія въ тѣлѣ человѣческомъ, такъ и въ разсужденіи ихъ окончанія въ ономъ.

И такъ о послѣдней, какъ ежедневные опыты доказываютъ, должно вопервыхъ знать, что оная нападаетъ *нечаянно*, *съ худымъ потѣтріемъ*, или *безъ онаго*, на *тѣло чистое*, или *сыростями* и *остротами наполненное*, на *здоровaго* и на *больнаго*, на *полнокровнаго* и *малокровнаго*, на *сухаго* и на *полнаго* или *мокротнаго*, на *младенца* и на *возраслаго*, на *боязливаго* и на *неустрашимаго осенью*, *зимою*, *весною* и *лѣтомъ безъ всякаго разбора*, и заражаетъ или *прикосновеніемъ къ наружности тѣла*, или *посредствомъ воздуха принятіемъ внутрь онаго*. Положивъ сіе за основаніе, слѣдуетъ теперь разсмотрѣть случающіеся въ оспѣ естественной припадки; но какъ оная можетъ раздѣлиться по теченію своему на 4. пріема или степени или разныя перемѣны, которыя человѣкъ оною

 одер-

одержимой вытерпѣть должен, то и припадки по разнымъ симъ степенямъ разные бываютъ.

Въ первой изъ оныхъ, когда нечувствително сїя зараза вселится въ тѣло, производитъ знобу, превеликой жаръ, въ глазахъ блистанїе, боль въ головѣ, въ спинѣ, въ вздохахъ, въ поясницѣ и подъ ложкою, позывъ на рвоту и самую рвоту, тоску, потемнѣнїе чувствъ, лежанїе въ постелѣ отъ безсилїя, чрезмѣрной сонъ, иногда и судорожныя всего тѣла трясенїя. По продолженїю же сихъ, кровь покрывается толстою и крѣпкою, на подобїе коры, перепонкою, какъ обыкновенно бываетъ въ опасныхъ горячкахъ. Во второй потомъ степени или перемѣнѣ, т. е. во время высыпанїя съ наливанїемъ, показываются пятна, иногда и безчисленныя по разнымъ мѣстамъ, и припадки помянутые тогда хотя утихаютъ, но ежели только безпрепятственно всѣ оспинки выходятъ: впрочемъ прежнїе еще болѣе умножаются. Но въ третьемъ оной прїемѣ какъ вышедшїе пузырки созрѣвать, или лучше сказать, нарывать начинаютъ, то оные увеличиваяся, иногда и сливаяся поверьхность тѣла дерутъ и растягаютъ съ несносною болью, вновь раждается въ болномъ жаръ: въ сливной же наипаче отъ покрытой кожи оспинными струпьями нечувствителная испарина удерживается; отъ гноя особливой противной и вредителной съ заразою запахъ во всемъ покоѣ едва стерпимой бываетъ; оной гной иногда внутрь тѣла уходя, ежели не будутъ употреблены на то предосторожности, внутреннїя части его заражаетъ, откуда новая и опасная лихорадка слѣдуетъ, тоска, одышка, боль въ горлѣ, жаба, поносъ, кровавая моча и другїя кровестремленїя, слины истеченїе, внутренняя оспа, внутреннїе нарывы, прорывы, иногда какъ снаружи, такъ и внутри Антоновъ огонь и наконецъ смерть. Естьли же по щастїю сего наипе-

наипечальнѣйшаго приключенія не случится: то въ Четвертой степени, когда подсыхаетъ и падаютъ струпья, всѣ припадки проходятъ, кромѣ красныхъ пятенъ нѣсколько времени продолжающихся, которыя бы стократъ прекрасными назвать было можно, естьли бы иногда на вѣки не оставляли по себѣ не только отъ другихъ, но и самаго себя презрѣнія: и такъ не упоминая о сихъ, хотя отъ смерти многіе избавляются, но сколько глухихъ, слѣпыхъ и изувѣченныхъ по безчастномъ окончаніи естественной оспы быть можетъ и бываетъ, отдаю всѣмъ безпристрастнымъ и знающимъ на разсужденіе.

Разсудимъ же теперь вообще о припадкахъ первой степени. Оные въ больномъ сначала хотя всякому очень видны, однако много ль такихъ, и есть ли, которые бы могли безъ ошибки и точно узнать, что оные предвѣщаютъ неотмѣнно оспу? Ни самые искуснѣйшіе Врачи того сказать по непреодолимому незнанію не въ состояніи, развѣ по нѣкоторой догадкѣ, т. е. когда въ то время есть оспяное повѣтріе, и то въ младенцахъ, но не безъ сомнѣнія жъ; ибо тѣже самые знаки и припадки бываютъ равномѣрно въ лихорадкахъ и въ горячихъ болѣзняхъ, и для того всякой надѣюсь заключить долженъ, что никакой дѣйствительной предосторожности противъ оспы здѣлать не возможно, которая тогда только извѣстна ужѐ дѣлается, когда покажутся пятна обыкновенныя сей болѣзни. Но хотя бы и подлинно узнать было можно, что оспяная болѣзнь точно слѣдуетъ, что жъ тогда дѣлать, когда оная нечаянно напала на больнаго или на такого человѣка, которой какимъ нибудь образомъ хотя нечувствительнымъ тѣло имѣетъ ужѐ внутрь поврежденное, или нечистоты въ его желудкѣ находятся, или полнокровенъ, отъ чего никто на-

навсегда предостеречься не можетъ? Правда, по необходимости должно, но иногда не можно, и въ семъ вспомоществовать случаѣ: но какая помощь тогда ни употребляется, однако оная подается ужѐ вдвое немощному, въ которомъ и безъ лѣкарствъ, какъ третей немощи, тревоги въ тѣлѣ очень довольно: и такъ всеконечно всякой предвидѣть можетъ, что не много способности находится въ излѣченіи такого оспою зараженнаго. Другую же особливаго рода болѣзнь какъ остроту всѣхъ соковъ исправлять совершенно, ужѐ поздо и нѣкогда: но оная соединясь съ новоприбылою болѣзнію оспою, неотмѣнно болѣе силъ имѣть будетъ сопротивляться лѣкарству и Врачу, и съ самою жизнію больнаго бороться легче соединенными силами: побѣжденнымъ же напротивъ того быть отъ болѣзни и Врачу и больному больше думать должно. Но и здоровому первые сіи ея нечаянные удары снесть почти безъ всякой помощи по неизвѣстности, подлинно не безъ тягости, и требуется довольнаго въ тѣлѣ количества силъ, чтобъ отъ сихъ опасностей не быть ему пораженну. Искусство же научаетъ притомъ, что естественная оспа осенью и весною болѣе вреда причиняетъ, нежели лѣтомъ и зимою; ибо всякому извѣстно, что и другимъ болѣзнямъ безъ особливаго присмотра больше и чаще вредитъ худая погода и ихъ умножаетъ. Но кто предузнать можетъ, въ которое время естественная оспа на него вооружится? Ожидай ея съ трепетомъ всегда, а по нападеніи должно только страдать и сносить терпѣливо: все въономъ состоитъ лѣкарство: но всякому ль пріятно страдать и терпѣть! Щастливъ одинъ лѣтней и зимней страстотерпѣцъ, однако не всегда жъ; а весенней и осенней худаго предзнаменованія ожидать долженъ. Естьли жъ къ сему еще и повѣтріе оспяное худое присоединится, какъ по большей части въ сіи времена

бываетъ

бываетъ, такожъ иногда и въ другія: не остается болѣе ничего, какъ только въ бѣгахъ искать спасенія, но и симъ часто отъ повсемѣстной заразы едва свободиться можно. Довольно всѣми примѣчено сверьхъ сего и то, что совершеннаго возраста человѣкъ всегда труднѣе оспою бываетъ боленъ, нежели малолѣтной. Но всякой ли и малолѣтной столь есть щастливъ, чтобъ онъ въ то время, когда лучше и легче, оную получилъ? Никакъ! Долженъ и онъ иногда въ самой цвѣтущей младости дань оную на тѣлѣ своемъ платить и самою смертію, и такъ невозвратно увянуть навсегда. Особливая опасность отъ сей болѣзни бываетъ въ сложеніяхъ сухихъ: но могутъ ли оные чемъ укрыться отъ ней будучи подвержены тѣмъ же вышереченнымъ обстоятельствамъ? и будетъ ли оная дожидаться, когда такіе полнѣйшее получатъ тѣло? Я не надѣюсь, но по своему обыкновенію нечаянно и на неготовыхъ нападая, всѣхъ подъ свое иго и законы подвергаетъ, и потомъ въ тяжчайшихъ передъ прочими содержитъ узахъ. Видите изъ сего, что нечаянныя ея нападенія причиняютъ! Послѣдняя надежда у всѣхъ, думаю я, противъ оспы остается только въ однихъ лѣкарствахъ: но естьли при всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ припомнить, что припадки не всегда, а оспы никогда отвратить по желанію не можно, что изъ того послѣдуетъ? Всякой, надѣюсь я, не имѣвшій на себѣ оной, а наипаче боязливой долженъ о себѣ всякой часъ думать, [особливо когда повѣтріе худое и перевалки оспяныя и притомъ смертельныя усиливаются,] и въ смущенномъ духѣ воображать, не стоитъ ли она уже предъ его вратами? не виситъ ли надъ его главою? не спускаетъ ли уже на него свои ядовитыя стрѣлы? Въ толикомъ всегда пребывающей трепетѣ и въ страхѣ не скорѣе ль привлечетъ на себя сей болѣзни, не умно-

житъ ли унынiе вящше еще оную? и не здѣлаетъ ли опаснѣйшею отчаянiе? Подтвердятъ сiе всѣ тѣ, которые и другими болѣзнями одержимы бывали, и врачебная наука во многихъ случаяхъ давно ужѐ сiе съ сожалѣнiемъ примѣтила. Но и кромѣ сего, въ страхѣ всегда быть, какая безпокойная жизнь! какiя мучительныя воображенiя! Самой смерти лютѣйшiя терзанiя, надѣюсь, бываютъ во многихъ; когда жъ притомъ сладость жизни себѣ представляютъ, и будущее свое, или другихъ отъ того зависящее разсуждаютъ благополучiе, которое или ихъ самихъ ожидало, или другiе отъ ихъ добродѣтелей своего большаго благоденствiя ожидая, оное ужѐ лобызали и наслаждались! Огорчительное такое состоянiе человѣка! сожалѣтельны сродствомъ сопряженные! неутѣшимы добродѣтели любители! отчаянны жаждущiе спокойства и всякаго благоденствiя! Многiе и теперь еще оплакиваютъ похищенныхъ у себя симъ образомъ любезныхъ предметовъ, отцы лишаются чадъ, но невозвратно погибшихъ. Рыдали разныя государства по своихъ владычествующихъ безвременно оною отъ нихъ отнятыхъ! Терзалась и Россiя по похищенномъ сею болѣзнiю Императорѣ ПЕТРѢ Второмъ! Плачетъ вся Европа отъ пагубы оной! Стонетъ часто и весь человѣческой родъ!

Были бы оные всѣ погибшiе прежде, и погибающiе нынѣ чрезъ должайшее время въ глазахъ и въ объятiяхъ своихъ любезныхъ, ежели бы всевозможныя средства заблаговременно употребить хотѣли. Средство же предупредить естественную оспу, и отъ опасности оной избавиться безвредно, между многими въ Европѣ съ пользою употребленное, и многоразличными несомнѣнными опытами доказанное, есть оной привитiе, помощiю котораго производится оспа, называемая по сему *прививная*, которой слѣдуетъ теперь

раз

разсмотрѣть пользу, сравнить съ естественною, показать, дѣйствительно ль та полезнѣе оной, или равны между собою, и на томъ же страхѣ и на безъизвѣстности основаны, и потому заслуживаетъ ли преимущество прививная передъ естественною оспою. Чего ради вопервыхъ сообщить я долженъ краткое понятіе о способѣ, которымъ оная производится. *Прививаніе есть сообщеніе чрезъ искусство оспинной матеріи тѣлу, и онаго потомъ зараженіе, естьли оспа не была въ немъ прежде, съ слѣдствіемъ легкой оспинной болѣзни предостеречь имѣющей наподобіе естественной оспы отъ вторичнаго оной нападенія.* Способы прививанія и ихъ разности исчислять до меня не касается; желающіе же о семъ знать, видѣть могутъ изъ оныхъ нѣкоторыя въ объявленіи Академіи Художествъ, а прочія въ другихъ писателяхъ. Мое намѣреніе состоитъ только въ томъ, чтобъ утвердить преимущество прививной оспы передъ естественною, и показать, что первая безопаснѣе послѣдней.

Прививная оспа вопервыхъ различается тѣмъ отъ естественной, что оную можно произвесть въ человѣкѣ оспы неимѣвшемъ, когда кто пожелаетъ. Я представляю себѣ, что всякъ ужè изъ сего, хотя съ виду маловажнаго, но въ самой вещи, по вышереченнымъ о естественной доказательствамъ, и по представленнымъ отъ ней опасностямъ, много въ себѣ заключающаго различія, остроуміемъ своимъ догадывается, что оная довольно выгодъ и преимуществъ передъ естественною въ себѣ содержать долженствуетъ. И подлинно не погрѣшаетъ такъ разсуждающей; ибо не нечаянное есть оной нападеніе, но предусмотрѣвъ со всякими предосторожностями оную принять и встрѣтить удобнѣе можно, т. е. когда человѣкъ совсѣмъ

здоровъ,

здоровЪ, то безЪ опасенія привить всегда и безЪ всякихЪ пріуготовленій можно, и ожидать надлежитЪ благополучнаго успѣха не боясь худыхЪ слѣдствій. Естьли жЪ примѣчаются вЪ комЪ вредительныя сырости, и нечистоты отЪ грубой пищи, или отЪ излишности, какЪ вЪ крови, такЪ и вЪ другихЪ сокахЪ, оныя напередЪ разными средствами убавляются и изгоняются, и потому не могутЪ ужè вмѣстѣ сЪ оспою вооружиться на жизнь человѣка; вЪ случаѣ же недостатка крови и безсилія, какЪ послѣ великихЪ бываетЪ болѣзней, должно оную пріумножить укрѣпляя силы больнаго. Слѣдовательно потомЪ тѣлу удобнѣе будетЪ бранъ имѣть и бороться сЪ одною, нежели сЪ двумя болѣзнями. Оное пріуготовленіе кЪ приваннію хотя не всегда и не во всякомЪ человѣкѣ за нужное почитается, однако, какЪ того безЪ осторожнаго пріуготовленія можно оставить, который имѣетЪ внутри тѣла своего запоры, полнокровенЪ и склоненЪ по причинѣ мокротЪ или желчи кЪ лихорадкѣ? или вЪ комЪ отЪ излишнихЪ мясныхЪ пищей гнилости слѣды видны: не должно ль такому сію излишность запретить и намѣсто сихЪ совѣтовать за нѣсколько дней употребленіе произрастѣній, какЪ гнили противныхЪ, и сію исправляющихЪ? Ибо извѣстно, сколько наблюденіе діэты предохранить можетЪ человѣка не только отЪ болѣзней, но и жизнь продолжить вЪ состояніи. ПритомЪ же когда извѣстно, что время сомнительное наступаетЪ, какЪ весна, осень и проч. то оное предупредить возможно, и избравЪ пристойное и безопасное, когда естественно тѣло удобнѣе сноситЪ болѣзни, нежели вЪ худую погоду, предпріять прививаніе безЪ всякаго вреда, никакова нѣтЪ сомнѣнія: хотя и сего по самой строгости, вЪ разсужденіи человѣка и другихЪ обстоятельствЪ наблюдать не всегда требуется, какЪ на пр.

когда страхъ худаго будущаго повѣтрія угрожаетъ, или уже и поражаетъ въ отдаленіи, а человѣкъ здоровъ, и къ принятію прививной оспы способенъ, то съ хорошею предосторожностію отъ привитія можно всегда ожидать желаемыхъ и несравненно лучшихъ успѣховъ, нежели отъ естественной, которая очень часто опасна бываетъ. Симъ образомъ оную власти покоряемъ нашей, а не сами отъ ней законовъ ожидаемъ; и не тогда въ плѣнъ, какъ ей угодно, отдаемся, но въ оборонительномъ и безопасномъ находяся состояніи, будто бы вылазку учиня сами ея прежде плѣняемъ. Что касается до разнаго возраста, особливо до опасности отъ оспы въ совершенныхъ лѣтахъ, то и въ ономъ предостеречь себя можемъ отъ нечаяннаго и пагубнаго нападенія естественной оспы, т. е. въ первыхъ отъ рожденія годахъ, отъ 3. до 10. лѣтъ ранѣе и пожже по разсмотренію обстоятельствъ оспу, и притомъ неопасную здѣлать себѣ не только можно, но еще и должно; ибо въ младомъ человѣкѣ соки неострые и тѣло мягче, по чему и дѣйствуетъ одна оспа безъ соединенія и согласія съ другими болѣзнями: притомъ же и матерія удобно въ такихъ и безпрепятственно выходитъ наружу, отъ чего всѣ припадки легчайшіе обыкновенно быть должны: хотя прежде трехъ лѣтъ за слабостію и недостаткомъ совершеннаго ногъ употребленія, и не всегда привитіе предпріять можно. Напротивъ же того въ возраслыхъ и къ старости клонящихся лѣтахъ кровь и соки отъ разныхъ случаевъ часто бываютъ поврежденныя, волокна всегда крѣпче, испарина закожная уменьшается, и слѣдовательно недостаточная, по сему и пробиваться всякой матеріи насквозь, и испражняться наружу трудно; въ такомъ случаѣ отъ остановки внутри оной неотмѣнно худымъ надлежитъ произойти слѣдствіямъ. По чему и въ сухихъ сложеніяхъ оная всегда

бываетъ труднѣе и опаснѣе, однакожъ привитіе какъ не нечаянно нападаетъ, но можно прежде предпріятія оной употребить всѣ средства къ отвращенію жестокости оспы, размягчая тѣло разными банями и другими образами, чтобы какъ удобнѣе выходила съ нечувствительною испариною, такъ и меньше бы дѣлала струпьевъ и не сливалась; ибо какъ всѣмъ извѣстно, что и одно омовеніе поверьхности тѣла всегда пользу приноситъ, производя чистоту наономъ: изъ чего всякъ видитъ, что конечно должно быть сей болѣзни и въ людяхъ совершеннаго возраста легчайшей при сихъ осторожностяхъ, нежели бы какъ въ неприготовленныхъ и нечаянно естественною зараженныхъ, по чему всѣ остроты удобно вонъ изъ тѣла вылетаютъ; и по тому надѣюсь я въ простомъ народѣ чистоты ни тѣла своего, ни жилищъ ненаблюдающемъ больше и отъ иныхъ легчайшихъ болѣзней, кольми паче отъ оспы погибаютъ.

Сверьхъ всего онаго, повѣтріе худое въ заразительномъ крыющееся воздухѣ дѣлаетъ естественную оспу наиопаснѣйшею, но въ привитіи напротивъ того опасаться сего не должно; ибо употребляется въономъ матерія, которая составляла не очень сильную оспу, слѣдовательно вся сія болѣзнь не отъ воздушной заразы зависѣть будетъ, но отъ избранной безвредной матеріи. Сіе доказываетъ намъ самая древность, которая, хотя и изъ суевѣрія нѣкотораго за лучшей давно уже способъ признавала покупать хорошую оспу, и оную сообщать другому; однако не безъ выгоднаго основанія, но въ надеждѣ благополучными успѣхами подтвержденной, что и у того, кто оную покупаетъ, будетъ подобная безъ заразы и безъ тягостныхъ припадковъ, а на нечаянно приходящую естественную изстари мало полагали надежды; ибо всѣ примѣчали болѣе худыхъ приключеній отъ оной, нежели

жели по ихъ мнѣнію отъ купленной. Вотъ какъ просто думала древность, но превысила просвѣщенные наши вѣки примѣчаніями своими! Она къ посрамленію нынѣ глупомудрствующихъ, и къ обличенію неправомыслящихъ во многихъ вещахъ правые свои слѣды оставила. Заразительнѣйшую и опаснѣйшую силу естественной оспы передъ прививною и изъ того еще видѣть можно, что отъ той и въ пространнѣйшемъ покоѣ больнаго нестерпимой и вредительной иногда запахъ бываетъ, отъ чего дѣлается повѣтріе и заражается са́мой воздухъ, чрезъ которой на многихъ вдругъ сія болѣзнь нападаетъ и прилипаетъ, и потóмъ разсѣвается иногда не въ одномъ только домѣ или мѣстѣ, но и во многихъ городахъ въ одно время: прививная же напротивъ того такого запаху не имѣетъ, а чтобъ какое нибудь когда для другихъ многихъ съ опасностію заразительное повѣтріе произвела, нигдѣ еще не примѣчено: слѣдственно оная не только не ядовита, но и нимало невредительна. По сему слѣдуетъ ли кому быть боязливу, и устрашаться привитія, и са́мой прививной оспы? Никто по крайней мѣрѣ разсудительной, надѣюсь я, такой слабости себя не подвергнетъ, видя вездѣ благополучные успѣхи, и очевидныя отъ оной выгоды. Естьли жъ сіе справедливо, то и слѣдствій худыхъ отъ страха обыкновенныхъ во многихъ болѣзняхъ опасаться и ожидать нѣтъ причины. Притомъ же здравой разсудокъ долженъ преодолѣвать слабости духа, смотрѣть на лучшую пользу и ободряться видя въ слабѣйшемъ состояніи непріятеля, нежели какъ бы онъ могъ быть въ другое время. Отъ боязливости вездѣ происходили неудачливыя слѣдствія, а храбрость всегда торжествуетъ.

Разсмотрѣвъ первыя выгоды прививной оспы передъ естественною, слѣдуетъ теперь сравнить между собою

бою ихЪ припадки по разнымЪ вЪ теченіи степенямЪ. Но вЪ сравненіи оныхЪ, не думайте, Почтенные Слушатели, чтобЪ былЪ я продолжителенЪ: ибо почти ничего, или очень мало совсѣмЪ подобнаго вЪ прививной оспѣ за малочисленнымЪ вЪ ней припадковЪ количествомЪ вЪ разсужденіи естественной нахожу, вЪ чемЪ свидѣтельствуюсь я, не упоминая о другихЪ, обЪявленіемЪ Академіи ХудожествЪ о успѣхахЪ прививной оспы, на которомЪ довольно всякЪ увѣриться можетЪ, по чему описаніе оныхЪ хотя бы и оставить я могЪ, однако для лучшаго всѣмЪ понятія обыкновенные вЪ прививной оспѣ припадки вкратцѣ сообщу сЪ прибавленіемЪ другихЪ нѣкоторыхЪ доказательствЪ. Видѣли мы выше, что естественная раздѣляется на 4. степени, которыя имѣютЪ свои собственныя приключенія: тѣмЪ же образомЪ и прививная четыремЪ перемѣнамЪ подвержена, но едва чувствительнымЪ. Ибо вЪ первой степени послѣ привитія, бо́льшая часть оное предпріявшихЪ, дней шесть не жалуется ни на какую боль, хотя иные на четвертой и на пятой оную слегка чувствовать начинаютЪ. Лихорадка бываетЪ сЪ жаромЪ не много бо́льшимЪ свойственнаго тѣлу человѣческому, и потому почти непримѣтная, слѣдственно и сгущенія кро́ви на подобіе горячекЪ никако́ва произвесть не можетЪ, что вЪ естественной бываетЪ; притомЪ же продолжается только дни за́три до выступленія или высыпанія оспяныхЪ пятенЪ. Сіе легкое чувствіе болѣзни видѣть можно изЪ того, что употребляемыя и́гры, забавы и гуляніе оную боль совсѣмЪ потушаютЪ. Сія есть первая степень прививной оспинной болѣзни, которая не на страхѣ и отчаяніи основана, но играть почти позволено сЪ нею, и симЪ обманомЪ выиграть у оной побѣду безЪ сраженія. ВсякЪ изЪ сего понять можетЪ, что прививной оспы матерія внутрь тѣла гораздо легче дѣй-

ствуетЪ,

ствуетъ, нежели естественной, въ которой тоска, рвота, чувствъ лишенiе и судорожные припадки всѣхъ чувствительныхъ или жизненныхъ жилъ содроганiе и поврежденiе означаютъ. Въ такомъ случаѣ какъ больной такъ и Врачъ между страхомъ и надеждою колебаться должны, сколько бы послѣдней ни старался, и какiе бъ труды ни прилагалъ съ прозорливостiю, то изъ одержимыхъ естественною оспою всегда несравненно большее число безвинно потеряетъ, нежели которымъ привита оспа: съ стороны же немощнаго страхъ, отъ котораго и неимѣющiе еще оспы, оную получаютъ и скорѣе другихъ пропадаютъ, всегда больше повредитъ ему въ болѣзни, и умножитъ среди неизлѣчимаго отчаянiя опасностей, по причинѣ жестокихъ припадковъ; чего въ прививной больному опасаться не должно, будучи всегда на ногахъ, разгуливаяся и забавляяся во всю свою болѣзнь, чемъ ему угодно. Не достойно ли присемъ примѣчанiя нашего и то, что когда естественная оспа отъ повѣтрiя чрезъ ротъ глотанiемъ и дыханiемъ, чего отвратить никогда не можно, происходитъ, то бываетъ оная всегда опаснѣйшею: напротивъ же того въ другихъ покупанiемъ оной и приложенiемъ, или обращаяся съ больнымъ прикосновенiемъ къ оному, входя чрезъ поверьхность тѣла дѣйствуетъ легче. Сей разности состоитъ причина надѣюсь я въ томъ, что въ первыхъ оная зараза вселяяся съ слиною въ желудокъ и съ воздухомъ въ легкое, прежде всѣхъ на оныя части нападаетъ, или послѣ сильнѣе оныя отягощаетъ, откуда вышереченные тяжкiе внутреннiе припадки неотмѣнно слѣдовать должны; въ другихъ же входитъ оная въ тѣло чрезъ поверьхность, и такъ не касаяся скоро сперьва внутренности, но по всему тѣлу равно, помощiю обращенiя крóви, раздѣляяся не столько силъ вредить имѣетъ: можетъ быть къ тому же и по причинѣ малаго

лаго ея количества, симъ образомъ тѣлу сообщеннаго, не столь сильно дѣйствуетъ, хотя сего подлинно и не утверждаю, однако отъ сихъ причинъ вмѣстѣ взятыхъ, думаю я, бываетъ легче иногда и самая естественная оспа, слѣдовательно и о прививной тоже заключить должно.

Во второй степени, т. е. во время выступленія и наливанія тоже гуляніе на вольномъ воздухѣ, и игра больныхъ равномѣрно какъ и прежде продолжаются: показываются пятна на той тѣла части прежде, гдѣ привита была оспа, потомъ и на прочихъ: но число оныхъ надѣюсь не приведетъ никого въ отчаяніе, которое рѣдко далѣе простирается, какъ отъ 5. до 10. 30. и до 150. сверьхъ сего и отвратить еще можно отъ лица въ другія отдаленныя мѣста разными средствами, что въ естественной не всегда удается.

Въ третьей же и четвертой степени при созрѣваніи, т. е. и подсыханіи упоминать ни о чемъ не остается, ибо по большей части никакихъ уже припадковъ не бываетъ, но въ прогулкахъ и въ ѣздѣ вся болѣзнь благополучно оканчивается. Естьли теперь искать будемъ подобія прививной оспы съ естественною, которой припадки въ третьей степени я выше описалъ, конечно трудъ нашъ будетъ тщетенъ и безполезенъ; ибо открытой воздухъ въ прививной не только не опасенъ, и постеля совсѣмъ ненужна, но и весьма много къ облегченію способствуетъ болѣзни; въ естественной же рѣдкой находится такой щастливецъ, чтобъ которой отъ внѣшняго воздуха не скрывалъ своего тѣла, и не грѣлъ бы своей постели; меньше того еще сна въ прививной опасаться должно, которой въ естественной, часто будучи неминуемымъ, много вреда причиняетъ. Не примѣчается

присемъ ни жестокой боли на поверьхности тѣла, ни сливанія оспинъ по причинѣ малаго ихъ числа, ни опасной также лихорадки потому, что гной, въ маломъ будучи количествѣ, не опускается внутрь тѣла, слѣдовательно и многобѣдственныхъ тѣхъ не причиняетъ приключеній, какъ въ естественной: ни слины истеченія для той же причины не случается, которая въ естественной очень бываетъ часто, иногда производитъ и жабу, и совсѣмъ задушиваетъ человѣка: не примѣчено въ прививной равномѣрно ни кровостремленій опасныхъ для жизни, ни другихъ важныхъ припадковъ оную прекращающихъ.

Въ заключеніи всего онаго не подумалъ бы кто, что я напрасно увеличиваю естественной оспы опасности, и напротивъ того умышленно уменьшаю прививной припадки: никакъ! Я не о всякой естественной такъ разсуждаю; ибо всякому извѣстно, что не всѣ вышеписанныя пагубныя приключенія во всякой естественной оспѣ случаются, и не всѣ оною болящіе погибаютъ, но что и оная бываетъ иногда толь нечувствительна, что немоществующей едва можетъ какую нибудь принести на оную жалобу. Я уступаю сіе охотно [и усердно желаю] тремъ частямъ рода человѣческаго, но сожалѣю только искренно о четвертой его части, которая упомянутымъ тѣмъ губительнымъ приключеніямъ подвержена. Сей безщастной части припадки мною ничемъ, надѣюсь я, не увеличены, но представлены по са́мой справедливости; для оной я доказываю, что прививная можетъ уменьшить ея пагубу. Не хочу я присемъ противорѣчить никому и въ томъ, что и въ са́мой прививной могутъ приключиться иногда непріятные случаи, но должно разсудить вопервыхъ, что оные весьма рѣдко случаются, вовторыхъ не столько опасны бываютъ, какъ въ естественной, и хотя трудность нѣкоторую наносятъ, однако помощію раз-

ныхъ

ныхъ средствъ побѣждаются: наконецъ, хотя бы кто сіе и претерпѣть въ прививной былъ долженъ, но убѣжалъ ли бы онъ тогоже и въ естественной, сомнительно: но паче сіи случающіяся, въ предпріявшемъ человѣкѣ прививную, приключенія должно признавать за знакъ, что въ естественной оспѣ оной бы конечно долженъ былъ погибнуть: слѣдовательно тѣ, которые бы отъ повѣтрія или отъ худой естественной оспы неотмѣнно на вѣки пострадали: но привитіемъ, хотя и претерпѣвъ иногда нѣкоторую малую трудность, жизнію сею еще наслаждаться могутъ; ибо достовѣрными опытами доказано, что всякая прививная оспа всегда полезнѣе худой естественной, о чемъ ниже пространнѣе увидимъ. Видите сами изъ сего, уменьшалъ ли я напрасно прививной оспы припадки?

И такъ могу я, надѣюсь, смѣло и безъ всякаго подозрительнаго пристрастія заключить наконецъ щастливое оное прививной оспы теченіе и окончаніе тѣмъ, въ помянутомъ объявленіи, истинно утѣшительнымъ для всѣхъ удостовѣреніемъ, что во все то время [послѣ привитія до благополучнаго окончанія] ни одинъ изъ питомцовъ боленъ не лежалъ въ постелѣ, и боль только три дни до выступленія слегка продолжалась. Судите же теперь сравнивая обѣ болѣзни между собою, и разсудите, гдѣ то безчисленное множество оспинъ въ прививной, которое часто въ естественной случается, и слитіемъ своимъ обезобразываетъ многихъ. Уменьшится конечно та гнусность лица, которая особливо любезной полъ, хотя и несправедливо помрачаетъ! Страждетъ ли въ оной болѣе внутренность тѣла, или одна онаго поверьхность? Та ли здѣсь опасность, которой бояться, удаляться и безпрестанно бѣгать должно? Истинно не находится въ прививной оспѣ той смертоносной язвы,

вы, которая доселѣ родъ человѣческой столько пожирала! Мнѣ кажется, что въ оной самая смерть въ жизнь претворяется.

Испытавъ и предложивъ прививной оспы различіе, пользу и преимущество передъ естественною, къ неправомыслящимъ о томъ я приступаю. Рѣшите вы и отвѣтствуйте мнѣ безпристрастно на сіи вопросы! Должно ль человѣку, какъ домостроительному правителю, и въ экономіи своего тѣла осторожно поступать, заблаговременно все пріуготовивъ на всѣ недостатки отвратительныя средства имѣть въ готовности, и оныя предупреждать для своего благосостоянія и сохраненія? Тогда ли думаете, какъ воины, лучше сопротивляться непріятелю, когда оной нечаянно на васъ и на неготовыхъ учинитъ нападеніе? Или когда вы видя въ себѣ спосбность и во всякой находяся готовности сами нечаянно на него нападаете, и по справедливости несомнѣнной ожидаете побѣды? Тогда ли долженъ мореплаватель шить парусы, привязывать райны и ставить мачты, когда буря морская усилилась и море ужè взволновалось? и крѣпкимъ ли кораблемъ воинамъ тѣмъ удобнѣе сопротивляться, или нѣсколько ужè поврежденнымъ? Естьли возможно мнѣ вашу мысль постигнуть, то оная, думаю, будетъ состоять въ слѣдующемъ: Первой случай, надѣюсь, вы охотно подтвердите; во второмъ всегда побѣдителями быть лучше согласитесь, а въ третьемъ конечно потонуть отречетеся. Разсмотрите жъ и сравните сіе съ вышеописаннымъ болѣзненнымъ приключеніемъ нашего тѣла, не то ли самое увидите, и не предпочтете ли неизвѣстной или нечаянно нападающей и губительной естественной оспѣ, многоразличными опытами и благополучными успѣхами примѣрно доказанное, вѣрное и извѣстное прививанія средство для сохраненія дражайшей жизни.

Но скажешъ мнѣ, можешъ бышь, кшо вопреки, что сія извѣстность столько же опасна, сколько и та неизвѣстность; ибо привитіемъ не можно отвратить отъ человѣка оспяной болѣзни, но всякъ предпріявшій оное какъ оспу на себѣ имѣть, такъ и боль претерпѣвать равномѣрно долженъ: и тогда бы только предпочтенія было оное средство достойно, естьли бы отъ оспы совсѣмъ освобождало. Но внемли еще, когда не проникъ ты въ вышепоказанныя доказательства, что нечаянность худой естественной оспы повергнуть тебя можетъ неготоваго, а въ привитіи безъ заразительнаго воздуха, иногда и приготовившись удобнѣе противу стоять ей можешь. Правда, желать должно и желали, чтобъ такое изобрѣтено было средство, котороебъ вовсе не допускало до тѣла сей болѣзни; но доселѣ желанія сіи наши и многотрудныя изысканія осталися тщетны. Однако не должно ль и то ужè за особливой Всевышняго даръ считать, когда сысканъ способъ туже болѣзнь не только легчайшею здѣлать, но и совсѣмъ пагубное ея часто случающееся окончаніе уменьшить или и отвратить всеконечно. Безспорно, что по привитіи хотя отъ болѣзни совсѣмъ свободнымъ быть не можешь, но не довольно ль того, что смерти ужè не боишся? Что же теперь лучше предпочесть должно, быть ли нѣсколько времени больнымъ, но почти нечувствительно, и потомъ живымъ? или иногда и больнымъ быть жестоко и въ числѣ мертвыхъ наконецъ считаться? На первое всякъ любящій себя, или пекущійся о другихъ удобно согласится, нежели на послѣднее: несогласующейся же конечно ни себѣ, ни другимъ добра не желаетъ, такъ оставимъ его, какъ худой общества членъ, терпѣть и страдать! Довольно мнѣ того, что соболѣзновали ужè давно, и соболѣзнуютъ добросердечные съ добродѣтельными, сожалѣли пекущіеся о пользѣ рода человѣче-

вѣческаго съ желающими оной, что сей способъ не введенъ еще во употребленіе и быть вездѣ не начинаетъ. Довольно, говорю я, оправданія для привитія оспы и того, что ищущіе пользы Отечества ввѣренныя себѣ общества, ввѣряютъ оному спасительному средству для полученія чрезъ то большаго числа согражданъ, а не для ихъ погубленія! Проницательная Англія давно усмотрѣла пользу онаго, послѣдуютъ ей и прочія государства благополучно. Но предложу я нѣчто несравненно еще большее: Россія представляетъ свѣту всякое воображеніе превышающій примѣръ, Великую МОНАРХИНЮ свою вкупѣ съ любезнѣйшимъ ЕЯ Сыномъ, Всероссійскимъ Наслѣдникомъ, которые Высочайшими Своими Особами безъ сомнѣнія предпріявъ привитіе оспы, пользу онаго доказали, и щастливое въ томъ оправдало Ихъ произшествіе.

Неправда вездѣ убѣжища ищетъ, но не вездѣ жъ покровительство себѣ находитъ. Ищутъ неправомыслящіе защищенія себѣ въ томъ, что сіи отъ привитія благополучныя произшествія зависятъ только отъ одного иногда щастія и отъ удачи; впрочемъ сомнѣваются, чтобы прививная полезнѣе была естественной оспы. Отложите ложные свои вымыслы и пристрастіе, или лучше скройте въ молчаніи незнаніе ваше, повторите то, что выше показано было, посмотрите на примѣры, разберите многочисленные учиненные опыты въ Европѣ, и доказанные не щастіемъ, но мужами учеными и искусными. Не прельщайтесь же малѣйшимъ оныхъ числомъ, [стыдно сказать, а не можно утаить] хотя и ученыхъ, но страстію другимъ противорѣчить и вредить зараженныхъ, которые одними словами, а не дѣломъ опровергнуть сію истинну старались, но къ ихъ нещастію безсильно и безплодно. Къ вящшему вашему удостовѣренію сообщу я безпри-

 стра-

страстныхЪ писателей разныя примѣчанія, сколько отЪ естественной погибало, и сколько сія пагуба вЪ прививной уменьшилась, или паче совсѣмЪ уничтожилась. ВЪ Лондонѣ вЪ 1683. 710. 752. 754. годахЪ по сложному счисленію почти 15. часть разными болѣзнями умершихЪ составляла смерть отЪ естественной оспы: но присемЪ примѣчанія достойно то, что гораздо бо́льшая часть была вЪ ономЪ городѣ живущаго народа, которая ужѐ прежде оспу имѣла, слѣдовательно и заразиться не могла: сверьхЪ сего многочисленное ежедневное втеченіе вЪ оной иностранныхЪ оспу равномѣрно имѣвшихЪ, число тѣхЪ мертвыхЪ по причинѣ иныхЪ болѣзней умножало: ежели же положить, чтобЪ никто, какЪ сего города жители, такЪ и вЪѣжжающіе непрестанно не имѣвЪ прежде на себѣ оспы вЪ сіи годы случились, много ль бы, подумайте, ихЪ вЪ семЪ хотя и многолюднѣйшемЪ и пространнѣйшемЪ городѣ осталось? Я надѣюсь, что и считать ихЪ наконецЪ было бы нѣкому. ВЪ Амстердамѣ вЪ 1669. году изЪ 130. всякую недѣлю погребенныхЪ, сто человѣкЪ естественная оспа поядала. Не упоминая о другихЪ мѣстахЪ, всѣ Врачи свидѣтели бывшіе при оспинныхЪ заразахЪ, почитаютЪ естественную за наиопаснѣйшую болѣзнь, и сравниваютЪ по справедливости оную сЪ моровóю язвою; ибо по свидѣтельству ихЪ иногда отЪ 20. только 2. вЪ живыхЪ остаются, иногда отЪ 9. человѣкЪ 8. пропадаютЪ, иногда вЪ 3. или 4. мѣсяца до 6000. пожираются. Видите изЪ сего, сколь опасна иногда бываетЪ естественная оспа, и сколько оная рода человѣческаго поразила и всякой годЪ по разнымЪ мѣстамЪ погубляетЪ. Совершенно можно сказать, что моровáя язва, гладЪ и война, всѣ три сіи удары не столько рода человѣческаго истребляютЪ, сколько единая оспа. Ибо тѣ по Божіей благости случаются очень рѣдко, окончиваются иногда скоро и не во

вся-

всякомъ бываютъ мѣстѣ, почему и число сими погубляемыхъ должно быть гораздо меньше, нежели оспою, которая вездѣ, непрестанно и часто на подобіе моровáго повѣтрія между живущими бываетъ. Разсмотримъ же теперь для удобнѣйшаго всѣмъ понятія самымъ легкимъ численіемъ сего мнѣнія справедливость. Положимъ на пр. 20. миліоновъ живущихъ въ которомъ нибудь государствѣ: естьли въономъ всякіе 200. человѣкъ теряютъ въ годъ оспою по одному только человѣку, то на всякой годъ уменшится изъ тѣхъ 20. миліоновъ сто тысячъ человѣкъ. Но мы видѣли выше, что иногда изъ 130. погребенныхъ цѣлое сто оспою пораженныхъ бываетъ. Положимъ и то, что сіе приключеніе было по причинѣ повѣтрія, и притомъ сіе число до мертвыхъ однихъ, а не до живыхъ тогда бывшихъ касается; но и я для того, кажется мнѣ, очень сносное положилъ число, т. е. изъ 200. одного, хотя также и повѣтріе не рѣдко случается. Естьли жъ напротивъ того положить на всякое сто по пяти человѣкъ, и то еще зделаетъ только двадцатую часть, однакожъ и тогда нá-годъ то государство будетъ терять по цѣлому миліону: но многіе утверждаютъ, что сія погибель даже до четвертой части рода человѣческаго простирается, чего никто утвердить не можетъ о вышереченныхъ хотя и весьма пагубныхъ трехъ приключеніяхъ. Сравните жъ оную теперь съ прививною: вопервыхъ, ежели бъ сія пагуба столько жъ поразительна и отъ прививной происходила, то бъ конечно непріятели оной сего не умолчали, но не могутъ сего нигдѣ показать; напротивъ же того болѣе всѣ увѣряютъ, что изъ 100. человѣкъ естественною оспою одержимыхъ отъ 15. до 25. умираютъ, но отъ прививной, хотя и случаются худыя приключенія, однако не болѣе какъ одинъ погибаетъ. Видите ужè довольно между тою и другою

толь великую разность, что сколько одна погубляетЪ, столько другая воскрешаетЪ.

Но неправомыслящій или оспы неимѣвшій, надѣюсь, и на сіе еще возраженіе мнѣ здѣлаетЪ, что хотя прививная оспа и полезна, однакожЪ когда изЪ 100. одного иногда оная похищаетЪ, то можетЪ быть я тотЪ-то и буду, которой со всею пользою оной и умереть долженЪ: нѣтЪ, скажетЪ онЪ, я прежде времени мучить себя не хочу, но лучше буду ожидать естественной; ибо повѣтріе худое не всегда, но часто безвредна и естественная бываетЪ; потомЪ онЪ вЪ доказательство и вЪ примѣрЪ всѣхЪ послѣ оспы естественной сЪ нимЪ во всякомЪ здравіи обращающихся мнѣ противоположитЪ. На сіи два сомнѣнія два и отвѣта отЪ меня требуются. ВопервыхЪ хотя случившіяся рѣдкія такія приключенія оспорить не можно, но должно прежде разсмотрѣть, кЪ какому тѣлу привита была оспа; не кЪ больному ли или кЪ чахотному, и вЪ которомЪ внутренніе запоры ужѐ ему смерть готовили; здѣлано ли пріуготовленіе, когда того требовалось? ПослушливЪ ли былЪ больной приказаніямЪ Врача? И сколь оной самЪ былЪ искусенЪ? Ежели былЪ вЪ сихЪ обстоятельствахЪ какой либо недостатокЪ, то можно ль неблагоуспѣшное окончаніе приписать болѣзни? НикакЪ! но больше упущенію сихЪ предосторожностей, кто бЪ вЪ томЪ виновенЪ ни былЪ. И такЪ не страшися сей болѣзни желающій жизни, но опасайся только неосторожностей: сомнѣвающейся же о пользѣ прививной, можетЪ ли твердо надѣяться на естественную, пусть изЪ вышереченнаго разсудитЪ. ПритомЪ же хотя бы кто и со всѣми предосторожностями, но отЪ неизвѣстной какой либо между тѣмЪ приключившейся причины жизни лишился, то вЪ разсужденіи большаго числа

чрезЪ

чрезъ прививанiе спасающихся, нежели чрезъ естественную, весьма бы малой былъ уронъ и непримѣтной; и естьли бы наконецъ хотя однимъ человѣкомъ отъ привитiя погибало меньше, нежели отъ естественной, то бъ еще всегда родъ человѣческой оставался въ большей выгодѣ. Но не выслушавъ на послѣднее сомнѣнiе втораго моего отвѣта, пресѣчетъ оной, надѣюсь, противомыслящiй тѣмъ, что когда не ко всѣмъ привить оспы можно и не всѣ отъ смерти свобождаются, слѣдовательно привитiе безполезно. Напрасно такъ разсуждаетъ неправильно заключающiй, что когда къ нѣкоторымъ безъ опасности оспы привить не можно, то и ни къ кому: можно ль такъ заключать, понеже не пользуетъ свѣтъ слѣпому, музыка глухому, такъ и никому не пользуютъ? Никакъ! Не всѣ такiе, что болѣзни въ себѣ имѣютъ; впрочемъ должно болѣзнь прежде излѣчить, ежели можно, чтобъ не приключилось худыхъ слѣдствiй, и не приписать худаго успѣха привитiю, и потóмъ предпрiять оное, не ожидая опасности отъ естественной. Что жъ не всѣ отъ смерти освобождаются, о семъ выше довольно показано. Теперь отвѣтствую на второе, т. е. что не всегда бываетъ повѣтрiе худое, и многiе по претерпѣнiи естественной оспы еще и понынѣ жизнiю наслаждаются. Правда, что естественная оспа часто бываетъ легка, порядочна и безопасна: но кто тебѣ даръ пророчествiя и предзнанiя влiялъ? Знаешь ли, что непремѣнно тогда оная тебя постигнетъ, когда безопасна, а не во время вредительнаго повѣтрiя? и такъ не лучше ли положиться на извѣстное чрезъ привитiе избавленiе? Что же касается до того, что прежде времени мученiе себѣ представляешь, то не ужасайся того, чего почти не бываетъ, или нечувствительно вся болѣзнь проходитъ. Не должно ль паче тебя смучить съ ногъ прежде оспы одна еще оной неизвѣстность? Полезнѣе

для

для того думаю заблаговременно быть безъ страха, имѣть надежду пользоваться навсегда здоровьемъ, и безъ опасенія спокойными мыслями веселиться. Добра никто не бѣгаетъ ни рано ни поздо! Примѣрное же твое общество, въ которомъ ты обращаешся, очень мало вредитъ истиннѣ. Спроси ты его, ежели искренно тебѣ откроется, сколько оное своими видѣло глазами худыхъ отъ оспы естественной такихъ приключеній, которыя несравненно большее ужѐ общество со свѣта согнали, нежели все оное въ глазахъ твоихъ предстоящее собраніе. Потомъ взгляни на сіи отъ естественной оспы остатки, съ коими обращаешся, не найдешь ли между ими нѣкоторую часть поврежденныхъ зрѣніемъ, лицемъ довольно испещренныхъ, или и всѣмъ тѣломъ изувѣченныхъ? Ежели еще они къ своему безобразію не привыкли, да и трудно! то увидишь изъ нихъ неотмѣнно иныхъ жалующихся и соболѣзнующихъ о своихъ тѣла недостаткахъ, иныхъ другъ другу смѣющихся и ссорящихся, хотя и глупо, иногда и щастія своего въ жизни лишенныхъ, хотя и несправедливо, по причинѣ сихъ гнусныхъ произшедшихъ въ тѣлѣ недостатковъ. А тебя противомыслящій, къ которому изъ сихъ обществу причесть? еще я не знаю: но я совѣтовалъ бы и желалъ благую тебѣ часть избрать, когда никакой на тебѣ оспы еще не бывало. Исправь твое мнѣніе, и неосновательное сомнѣніе отложи, ибо щастливъ тотъ, кого чужія бѣды дѣлаютъ осторожнымъ.

Прельститися, можетъ быть, кто между тѣмъ тою надеждою, что оспа естественная его минетъ, и во всю жизнь ему не коснется по примѣру тѣхъ, кои не имѣвъ оной, благополучно жизнь свою окончали, и потому прививіе оной какъ напрасное дѣло почтетъ за излишнее. Изрядная мысль, когда бъ она самымъ дѣ-

ломЪ шакЪ исполнилась! Но не много бы, надѣюсь я, тошЪ погрѣшилЪ, кто противное сему защищать бы захотѣлЪ; ибо едва кто либо, или весьма рѣдкой оной избѣжати можетЪ, и были ли такіе, кои бы оспою совсѣмЪ когда нибудь не страдали, еще сомнительно. Хотя и увѣряютЪ многіе, что тотЪ или другой во всю свою жизнь оспы не имѣлЪ, но сіи такЪ думаютЪ только потому, что можетЪ быть оная столь была невелика, что никто не могЪ оную подлинно примѣтить: или между незнающими, какЪ часто бываетЪ, почтена за родЪ только нѣкоторой коросты. Однако оставя сіе, положимЪ, что находятся такіе дѣйствительно, которые избавились угрызенія оной, но какЪ извѣстно, что вЪ такихЪ когда и естественная вселиться не могла, то тѣмЪ меньше еще заразить ихЪ можетЪ прививная, коликократно бы оная предпринимана ни была, на подобіе того, какЪ послѣ естественной, прививной оспы произвесть не можно, такЪ и послѣ прививной естественная никогда не пристанетЪ, по свидѣтельству всѣхЪ вЪономЪ лѣченіи обращающихся. Слѣдовательно для отвращенія неизвѣстности, не должно ль оное средство предпріять, когда безЪ всякой заразы, безЪ вреда и безЪ болѣзни употреблено быть можетЪ? Ибо никакова дѣйствія не произведетЪ привитіе вЪ тѣлѣ, естьли вЪ ономЪ кЪ тому расположенія не находится. Изрядной истинно выигрышЪ, что по употребленіи сего средства увѣрившись подлинно, можно жить безЪ всякаго страха во всю свою жизнь: презирающій же сей совѣтЪ припомнить себѣ долженЪ и то, что надежда и сЪ якоремЪ своимЪ иногда на днѣ бываетЪ.

Сомнѣваются еще нѣкоторые, что естественной оспы послѣ прививной избѣжать не можно, почитая оную, по легкости ея припадковЪ или за ненастоящую

или по тому примѣру, что и естественная приходитъ иногда вторично, по чему прививную называютъ безполезною. Но оное сомнѣнiе кажется мнѣ неосновательно потому, что какъ послѣ естественной, такъ и послѣ прививной очень рѣдко, или никогда вторичною оспою человѣкъ зараженъ не бываетъ, что всѣмъ, надѣюсь, извѣстно, и безчисленные примѣры доказываютъ тоже. Хотя разсказываютъ иногда, что двоекратно или троекратно тотъ и другой претерпѣвалъ оспу, но можно ли вѣрно на сихъ повѣстяхъ утвердиться, еще сомнѣваюсь. Ибо, можетъ быть, оные примѣчатели, также какъ выше показано, нѣкоторой родъ ложной оспы за истинную почитали: или незнающiе инаго рода, прыщи настоящею назвали оспою. Но хотя бы то было и справедливо, что настоящая свои заразы въ комъ нибудь повторяла, однако можно ли отъ одного такого къ 1000. другимъ того на себѣ неимѣвшимъ здѣлать справедливое заключенiе. Притомъ же прививная оспа никакова еще урона въ томъ не претерпѣваетъ, и своего передъ естественною не теряетъ преимущества, когда и послѣ естественной бываютъ оспинныя заразительныя повторенiя: и такъ хотя бы кто дожидался естественной, убѣгая прививной, тогоже страха избѣжать не можетъ, а претерпѣвать отъ естественной нечаянныя нападенiя опаснѣе, нежели въ прививной прогуливаяся получить въ награжденiе безопасность. Что жъ касается до того, что по причинѣ легкости своей прививная настоящая ли есть оспа, то истинно удивительно, что и самая легкость боязливымъ кажется подозрительною. Естественная оспа не бываетъ ли иногда весьма легкая, однако никто не сомнѣвается, что оная настоящая ль есть оспа? О прививной же доказываютъ, думаю я, довольно имѣвшiе оную, и послѣ никогда незараженные: сверьхъ же сего и знающiе подлинно оспу наблюдате-

ли

ли подтверждают тоже: а незнающих, как всѣм извѣстно, нигдѣ в судіи не допускают.

Неразсудок и слабость духа часто и наиполезнѣйшія предпріятія воспящают. Примѣр сему суть неправоумствующіе, которые, согласясь с малодушными, себѣ воображают, что яд, т. е. оспинную матерію в тѣло пускать опасно и вредительно. Но прилично ли худыя имена напрасно налагать тѣм вещам, которыя никакой хулы недостойны! Я тѣм самым слабѣе себя нахожу на сіе в отвѣтѣ, чѣм болѣе прививная оспа себя от неистовых мнѣній благополучными своими успѣхами и окончаніем защищает, и довольно ужѐ себя давно пред всѣми оправдала. Мы видѣли пространнѣе о сем выше, какія она слѣдствія имѣет, опасныя ли и смертельныя, или наипаче спасительныя. Хотя и сомнѣваются еще многіе, производит ли благотворительная природа какой нибудь собственно называемой яд; однако положим сего бытіе, но разсмотрим же прежде, есть ли какіе нибудь в прививной оспѣ слѣды ядовитые? Производит ли она неисцѣлимыя болѣзни? Отнимает ли жизнь у всякаго? Умерщвляет ли кого непремѣнно? Когда ж сего в ней никто не находит, что яду прилично, то конечно в оной не яд подносится, не смерть предлагается, но божественной вливается дар для сохраненія здравія нашего и жизни, в чем почти вся Европа и Россія нынѣ засвидѣтельствует: напротив же сего естественная в безчисленных случаях по справедливости ядом назваться может, как всѣм не безъизвѣстно.

Нигдѣ не отстает суевѣріе, во всѣ дѣла вступает, и вездѣ свой голос подает! Сим напоенные оспинную болѣзнь почитая за Божіе наказаніе, отвра-

щать оную средствомъ привитія сомнѣваются потому, чтобъ не прогнѣвать всевиновнаго Существа. Симъ образомъ иногда и ложь торжествуетъ прекрасной истинны видъ на себя надѣвая, но правда недолго по крайней мѣрѣ между просвѣщенными страдаетъ! не время ль ужѐ, суевѣрный, неистовые замыслы всѣ оставлять! Разсуди только, какъ человѣкъ разумомъ одаренной! Когда видишь ты утопающаго человѣка, не стараешся ль его отъ того избавить? Когда скотъ твой язвою поражается, не отвращаешь ли ты оной всѣми образами отъ него? Когда имѣніе твое похитятъ, не ищешь ли ты оное возвратить? Когда домъ твой суевѣрный загорится, не отымаешь ли ты оной отъ огня? Всѣ сіи приключенія не Божія ли суть посѣщенія и наказанія? Но для чего жъ ты ихъ отвращаешь? Для чего не почитаешь сего за грѣхъ и не думаешь, что тѣмъ Бога прогнѣвляешь? Но хотя бы вы утоплять и утопать, морить и умирать, сожигать и сожигаться согласились: но разумные и просвѣщенные ложь ложью, истинну истинною называть не престанутъ; и болѣзни отвращать средствами отъ Бога данными не за прогнѣвленіе святой Его воли, но за благоутробно ниспосланной свыше Имъ даръ почитать и съ благодареніемъ принимать никогда не отрекутся.

Между прочимъ и врачебная наука хулы въ семъ случаѣ не избѣгаетъ, но укоряютъ сію за то, что оная вмѣсто того, чтобъ излѣчать болѣзни, прививною оспою умышленно вновь въ здоровыхъ сіи производитъ. Тщетное возраженіе, которое само собою опровергается: данное хоть вкусу непріятное лѣкарство, но болѣзнь искореняющее, должно ль быть презрѣнно? Здѣланная въ кровепусканіи на одной жилкѣ рана, когда отъ смерти избавляетъ, можно ль сказать, что оная здѣлана была напрасно? Легко, думаю я, купцу у одного товара

товара небольшой накладЪ снести, когда онЪ чрезЪ то единственно во стократЪ больше прибыли у другаго получить имѣетЪ: а на такую важную сумму, какЪ жизнь и смерть, очень совѣстной процентЪ сЪ прогулкою болѣзнь! Обременяетъ ли же врачебная наука ваше тѣло чрезЪ сїе средство, или его облегчаетЪ, теперь сами разсудите.

Не сказалЪ бы наконецЪ кто и о мнѣ сЪ хитрости или вЪ забаву, что я пристрастной вЪ семЪ случаѣ добра совѣтникЪ и судья, когда болѣзнь похваляю, и какЪ извѣстное средство кЪ сохраненїю жизни оную всѣмЪ совѣтую. Не думайте, Почтенные Слушатели, чтобЪ я намѣренЪ былЪ оной созидать храмы, ставить олтари, приносить жертвы, какЪ то было вЪ древнемЪ Римѣ; не представляйте жЪ себѣ и того, чтобЪ я былЪ какой либо того сложенїя витїй, которой бы хотѣлЪ хвалить мѣлочи и пороки, ругать добродѣтели и науки, какЪ и сїе вЪ свѣтѣ ужѐ бывало: не воображайте напослѣдокЪ и сего, чтобЪ я отЪ того прибытка себѣ какого ожидалЪ! НѣтЪ, мои любезные сограждане! НѣтЪ! Я предлагаю о пользѣ сей болѣзни не какЪ РимлянинЪ, но какЪ усердной сынЪ сего Отечества моего, желая ему всякаго добра. Не какЪ витїй мое слово украшаю, но какЪ ВрачЪ сохраненїе здоровья и жизни совѣтую сЪ доказательствами, надЪ которыми васЪ самихЪ поставляю судїями. Прибыли же одной только той ожидаю, чтобЪ Отечества моего, какЪ общаго всѣмЪ тѣла, нераздѣльные сочлены не страдали, и награжденїе свое заключаю единственно вЪ послушанїи вашемЪ для вашей же пользы. ВЪ противномЪ же случаѣ не Римскаго того ворона, что трудЪ мой и иждивенїе пропало, услышите отЪ меня отвѣтЪ, но сожалѣнїе, что усердїе мое для васЪ же безприбыльно было. Но я обращаюсь кЪ показанїю

того, что сія болѣзнь, т. е. прививная оспа не по тому полезною назваться можетъ, что болѣзнь, но что оная есть средство могущее сохранить жизнь многихъ, отъ чего несравненныя выгоды Отечество наше получить имѣетъ. Я не спорю, что оная болѣзнь человѣка дѣлаетъ на время нездоровымъ: не опровергаю естеству человѣческому врожденнаго отъ болѣзней страха и отвращенія: но когда тоже научаетъ естество, что изъ двухъ неминуемыхъ меньшее худо должно избирать, которое въ разсужденіи большаго зла всеконечно нѣкоторымъ добромъ назваться можетъ; слѣдовательно и сія болѣзнь въ сравненіи съ естественною оспою заслуживаетъ, чтобъ была оной предпочтена. Представлю я вамъ сіе яснѣе въ нѣкоторыхъ примѣрахъ: естьли бъ кому предложены были двѣ дороги, одна, съ которою толь великая соединена опасность, что изъ отваживающихся итти по оной, или премногіе тамъ погибаютъ, или изо 100. часто отъ 15. до 25. человѣкъ назадъ не возвращаются; а другая, которую хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, но безопасно пройти и благополучно возвратиться можно, или по приключенію какому, но не всегда по причинѣ оной дороги изо 100. одинъ только пропадаетъ. Естьли бъ, я говорю, кому необходимо опредѣлено было выбирать изъ сихъ двухъ одну которую нибудь дорогу, на которую бы онъ, думаете, лучше согласился? Правда! Оба сіи путешествія ему непріятны, но въ необходимости вторую первой конечно предпочелъ бы. Всякъ жаждетъ спокойства, всякъ ищетъ тишины, всякъ желаетъ мира, какъ совершеннаго общества добра, но когда сего безъ войны хотя страшной и опасной получить не можно, не должно ль оную тому предпочесть? Когда лестной съ вида миръ въ разрушеніе покоя обратиться можетъ, не полезнѣе ль тогда согласиться на войну истинной миръ возстановляющую и утверждающую

щую

щую непоколебимо. Сравните теперь предпріятое мною защищеніе болѣзни съ войною, увидите ясно сами, что посредствомъ оной побѣждено наше безпокойство, страхъ уничтожился, опасности всѣ прекратились; ибо владычествуетъ нами Тая же всемилостивѣйшая МОНАРХИНЯ наша, которой премудростію въ неудобь воображаемомъ восхищеніи снова мы наслаждаемся: Тая же Отечества Матерь въ нерушимомъ здравіи помощію сего средства находится, которая за непрестанныя къ намъ и ко всему роду человѣческому благодѣянія вѣчности достойна. Не утомляется притомъ въ мучительномъ сомнѣніи Россія, когда будущую свою надежду и упованіе въ Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ *ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ* тѣмже средствомъ спасенномъ, зритъ ужè въ непоколебимости, и стократно лобызаетъ.

Естьли жъ ни доказательства, ни высочайшія въ Россіи нынѣ собывшіеся примѣры васъ убѣдить къ употребленію того средства не могутъ: то покажу я вамъ полезнаго онаго предпріятія источники, которые отъ премудрости, отъ разумной неустрашимости и отъ Матерней любви къ намъ проистекаютъ, чтобы мы изъ оныхъ текущую для насъ пользу явственно знали и съ довѣренностію почерпать бы сами не сомнѣвались, почитая причину оной со всякимъ благоговѣніемъ.

Неправомыслящіе вопервыхъ воззрите на благотворительную МОНАРХИНЮ нашу, которой премудрость не только ежеминутно въ глазахъ нашихъ обращается, но весь свѣтъ оную предъ собой имѣя, въ мысляхъ удивляется и устами непрестанно прославляетъ. Коль владычествующая надъ нами есть Прозорлива и Премудра, сему свѣтъ свидѣтель; сколько

ко жъ наблюдаетъ Своихъ подданныхъ всеобщее добро, неутомимо труждаяся всегда для насъ, и сколько желаетъ всѣмъ и каждому всевозможнаго благополучія, предпріемля все для насъ, то Россійскія сердца благодарностію горящія къ НЕЙ доказываютъ всегда. Можетъ ли же кто помыслить, чтобъ стрегущая наше благоденствіе неусыпно, предпріяла когда что нибудь сему противное? Можетъ ли, говорю, себѣ кто представить, чтобъ ищущая разными милосердія преисполненными образами пріумноженія Своего народа, подумала когда другимъ способомъ егоже уменьшить? Можетъ ли, повторяю, кто себѣ вообразить, чтобъ Избавительница наша благоволивъ однажды избавить престолъ отъ напастей, Себя Самой поврежденіемъ, или какимъ либо подданныхъ Своихъ ущербомъ повергнуть его бъ захотѣла послѣ въ какое нибудь безпокойство, въ смущеніе, въ уныніе и въ опасность? Никакимъ образомъ! извѣстна всѣмъ ЕЯ премудрость! ОНА стремится всѣхъ жизнь соблюдать, человѣческому помогать роду, оправдать истинну Собою, раздѣлять справедливо жребіи смертныхъ, попирать невѣжество и всѣхъ добродѣтелей примѣромъ быть. Богъ предвѣчнымъ Своимъ совѣтомъ въ жилищѣ семъ въ МОНАРХИНѢ Россійской премудрость положилъ и утвердилъ. Симъ умудренная всемилостивѣйшая ГОСУДАРЫНЯ наша даетъ собственною высочайшею Своею Особою примѣръ, какъ въ душевныхъ добродѣтеляхъ всякому возвышатся, такъ и тѣлесныя пріусугублять дарованія, и противныя онымъ отвращать научаетъ: словомъ сказать, ядъ, какъ душу угрызающей, такъ и тотъ, которой тѣло погубляетъ, въ цѣлебное превращать лѣкарство Сама Собою путь и способы показуетъ. Такъ положитесь на душу святую Благодѣтельницы всѣхъ, и во всемъ ЕЙ подражайте!

Когда

Когда вЪ примѣрЪ и вЪ подражаніе я вамЪ первое Премудрой ИМПЕРАТРИЦЫ нашей качество, которое торжественно дала знать всему свѣту восхищенная Россія, описать былЪ долженЪ, могу ль оставить безЪ изЪясненія, хотя и силы мои превышающаго, но ободряемаго великодушнымЪ на недостатокЪ онаго снисхожденіемЪ, и умолчать другое изЪ премудрости проистекающее ЕЯ свойство, то есть, Величество. Оное состоитЪ во всѣхЪ ЕЯ добродѣтеляхЪ человѣчеству вмѣстимыхЪ, но мой предметЪ есть единое только великодушіе и неустрашимость, которыми препоясана будучи преславная МОНАРХИНЯ наша, очевидно оныя и вЪ описанномЪ мною случаѣ доказала, и которыя по тому всѣмЪ для подражанія предЪ глазами своими имѣть достойно.

Все, что намЪ противно, все, что естеству непріятно, свойственно есть человѣчеству отвращаться отЪ того: трудно отрещися того жребія, которой всѣ смертные носятЪ. Всякую болѣзнь вЪ числѣ терзающихЪ насЪ суровостей почитаемЪ, всякому болѣзнь страшна есть и ужасна; ибо цѣлой соборЪ непріязненныхЪ страстей влечетЪ за собою; почему всякЪ содрагается и трепещетЪ только отЪ того, что когда слѣдуетЪ ему болѣзнь. Но то ли находимЪ вЪ всемилостивѣйшей МОНАРХИНѢ нашей? Можно ль сію слабость вЪ НЕЙ усмотрѣть? Можно ль какое колебаніе духа ЕЙ приписать? Ни какЪ! ОНА великодушно уничтожила такія воображенія: мы болѣе трепетали, видя сіе предпріятое намѣреніе, нежели ОНА предпріявЪ самую болѣзнь мужественно и охотно: рѣдкой отважится на сіе самовольно, но вЪ ужасномЪ долженЪ тотЪ быть принужденіи, которой здравіе свое на болѣзнь премѣнить захотѣлЪ бы: по малодушію и по слабости духа едва ль кто вздумаетЪ себя видѣть без-

принужденно въ противныхъ приключенiяхъ? Чрезъ долгое конечно время въ такомъ мысли должны быть непраздны, сопротивляясь власти повелѣвающихъ чувствъ болѣзни бояться: утомился бы всякъ прежде въ разсужденiяхъ ополчаяся на преодолѣнie себя: но наша Великая МОНАРХИНЯ сie предпрiяла отъ величества Своего духа, и пренебрегла тѣлесное безпокойство. Кто бъ отважился вооружиться однимъ терпѣнiемъ, толь слабымъ защитительнымъ орудiемъ противъ болѣзней, но неслабая душа въ МОНАРХИНѢ нашей обитаетъ. Смѣлость разумомъ растворенная стремится побѣдить со славою заблаговременно то, что малодушныхъ и медленныхъ побѣждаетъ. Правда, другiя высокiя и природныя ЕЙ качества, какъ премудрость и любовь къ нашему Отечеству на сie совѣтовали согласиться, но гдѣ жъ тогда слабость человѣку свойственная крылась? Гдѣ самое человѣчество пребывало? ОНА побѣдила все неустрашимостiю Своею, всякое терпѣнie и страданie почла для Себя сноснымъ, все трудное преодолимымъ, все непрiятное любезнымъ, только бъ намѣренie и конецъ былъ всему тому благой.

Оное ЕЯ великодушное предпрiятie принуждаетъ всѣхъ только удивляться и почитать, какъ превышающую человѣчество. Не можно ль себѣ представить? Да и недѣйствительно ль то часто случается, что чѣмъ человѣкъ честiю, богатствомъ и благополучiемъ на высочайшей стоитъ степени, тѣмъ непрiятнѣе ему всѣ противности тѣла и духа, нежели тому, котораго жребiй въ свѣтѣ невеликъ и нелестенъ? Но Великая ГОСУДАРЫНЯ наша облеченна будучи въ порфиру, держа въ рукахъ скипетръ Государства, корону имѣя надъ главою, обладая пространнѣйшимъ владычествомъ въ свѣтѣ, однако не только ничѣмъ изъ

сихъ

сихъ не прельщается, ибо и сіе толь тягостное бремя принять благоволила на Себя для единаго соблюденія только упасть бы имѣющаго Россійскаго народа, но тѣмъ еще паче снисходитъ для подданныхъ Своихъ пользы: съ безчисленными и непрестанными Своими безпокойствами на все готовится, все предпринимаетъ, какъ бы противно и ужасно что ни было, въ жертву Самую Себя принесть не сомнѣвается для блаженства человѣческаго рода. Напослѣдокъ, не упоминаю о страхѣ по причинѣ ЕЯ совершеннолѣтства, которой бы и одинъ малодушнаго удержалъ отъ предпріятія, могли бы ЕЯ поколебать, какъ колебали довольно и другихъ доводы всѣ неправомыслящихъ: но какъ воля Святая намѣреніе ЕЯ благословила, то верьхъ одержали надъ всемъ несогласующимъ съ ЕЯ безпримѣрными совершенствами великія качества, премудрость и величество духа. Сей ЕЯ примѣръ всѣмъ внушаетъ и гласитъ: мужайтесь и крѣпитесь, или что все въ себѣ заключаетъ, подражайте только МОНАРХИНѢ вашей: будите ко всѣмъ предпріятіямъ ЕЯ готовы, которыя всевышнее Существо вѣнчаетъ всегда успѣхами, и изъ которыхъ всегда благополучія проистекаютъ непремѣнно. Такъ стремитесь всѣ желанія ЕЯ исполнить и умножить ваши при НЕЙ совершенства!

Сей есть плодъ втораго качества, которымъ человѣколюбное Провидѣнія попеченіе МОНАРХИНЮ Россійскую одарило, и вѣрноподданные ЕЯ предъ всѣмъ свѣтомъ засвидѣтельствовали.

Изображали вы, Почтеннѣйшіе Слушатели, на лицѣ своемъ охоту подражать премудрости нашей МОНАРХИНИ: можно было признать изъ очей вашихъ и стремленіе послѣдовать ЕЯ великодушію во всѣхъ благихъ предпріятіяхъ. Усматривая теперь наконецъ изъ

всѣхъ вашихъ помаваній нѣчто пріятное въ сердцахъ вашихъ сыновнимъ усердіемъ преисполненныхъ дѣйствующее, заключить неложно могу я изъ сего, что вы жаждете какъ Отечества сыны слышать и о Матернихъ МОНАРХИНИ нашей качествахъ и попеченіяхъ, которыя наичувствительнѣйшимъ образомъ благодарственныя всѣ наши сердца пронзили. Не дерзаю я описывать Матернія ЕЯ къ намъ безпрерывно проистекающія благодѣянія, которыя и исчислить мѣру силъ моихъ превосходитъ: но представлю только то, что изъ единаго усердія къ намъ МОНАРХИНЯ наша на сихъ дняхъ всему свѣту доказала, жертвуя почти жизнію Своею Отечества нашего настоящей и будущей пользѣ. Для сей единой благоволила ОНА предпріять то, чрезъ что хотя собственное ЕЯ спокойство нарушено было, но чтобъ наше всегда невреждённо пребывало: благоволила согласиться на то, что хотя здравію ЕЯ вредило, но чтобъ наше благосостояніе послѣ того нерушимо продолжалось: благоволила предпочесть Своему собственному покою благоденствіе наше единственно для того, чтобъ подъ премудрымъ владѣніемъ ЕЯ, подъ которымъ весь свѣтъ быть желалъ бы, были мы спокойны: чтобъ жизнь нашу, съ которой и Свою навсегда МОНАРХИНЯ наша соединить желаетъ, еще продолжали мы спокойны: чтобъ мы, какъ на Матерь всю надежду возлагающіе дѣти, взирая утѣшались ЕЮ и были бы спокойны. Но можно ли усердію Матери Отечества предѣлы положить? Должно ли при настоящей только пользѣ искать конца попеченій ЕЯ? Никакъ! Премудрость, Величество и къ Отечеству любовь границъ не имѣютъ! и будущія времена не избѣгаютъ ихъ проницанія! Чтобъ совершенно и непоколебимо благополучіе Россіи утверждено было навсегда, собственнымъ примѣромъ ободряя вселюбезнѣйшаго Сына Своего и Всероссійскаго

Наслѣ-

Наслѣдника, къ шомуже предпріятію возбудить благоволила, дабы чрезъ то Отечество наше всегда въ глазахъ имѣя дражайшую надежду будущихъ къ намъ благоденствій не смущалось, но день отъ дня возрастало бъ и процвѣтало во ожиданіи собирать по предводительствомъ Его безчисленные свои плоды. Оное предпріятіе ЕЯ и на семъ не оканчивается еще, но желаетъ МОНАРХИНЯ наша и Матерь, чтобъ сими несомнѣнными обоими примѣрами подданные увѣрились, подражали и были бы отъ смертоносной язвы навсегда свободны.

Коль велика въ томъ долженствуетъ быть любовь, которой бы хотѣлъ страдать для другаго! Коль много надлежало бы ему бороться съ собою и самаго себя побѣдить, чтобъ болѣзнію своею отвратить опасность другаго! но Матерьняя любовь все превышаетъ, все преодолѣваетъ и непріятное любезно ей для своихъ дѣтей. Сіе въ одной владычествующей Россіею, свѣтъ зритъ только и дивится: а мы дѣйствительно наслаждаемся Матерьними благодѣяніями МОНАРХИНИ своей. Всѣ дѣла ЕЯ доказываютъ сію впечатлѣнную ЕЙ мысль: пусть другіе господствующіе, какъ повелители съ своими подданными поступаютъ, а Я желаю Матерію всѣмъ быть. Россійскіе же сыны напротивъ того ЕЙ клянутся почитать МОНАРХИНЮ свою не отъ боязни, но любить усердіемъ сыновнимъ. О когда бъ всѣ царства земныя подобнымъ сему союзомъ были соединены, и весь родъ человѣческой тѣмже бы мнѣніемъ былъ напоенъ, чему въ Россіи есть примѣръ, что страданіе наше мученіемъ Себѣ МОНАРХИНЯ почитаетъ; безпокойство ЕЯ подданные своимъ терзаніемъ и разрушеніемъ называютъ: соединился бы воедино весь разумной свѣтъ, иной бы совсѣмъ видъ имѣлъ, и истинной бы вѣкъ златой на землю возвратился!!

Восхитительное наше состоянiе! Мы видимъ въ Повелительницѣ Матерь, которая право имѣя владычества и господства, премѣняетъ оное въ Матерьнiя и искреннiя о насъ сожалѣнiя и въ любовь. Обратите вниманiе ваше на гласъ вопiющей Матери изъ глубины сердца своего тако: *Сiе побудило Меня здѣлать всѣмъ симъ опасностямъ конецъ, и притѣмъ оспы избавить какъ Себя Самую, такъ и все Государство отъ безпокойной безъизвѣстности*: и видите, что избавленiе отъ безъизвѣстности былъ ЕЯ главной предметъ не для Себя единой, но мы увѣрены истинно, что наипаче для нашего какъ дѣтей утѣшенiя и Себя сохранить и Всероссiйскаго Наслѣдника соблюсти соизволила: ибо едва кто согласится на противное приключенiе, не имѣя къ тому важнѣйшихъ поощрительнымъ другихъ намѣренiй, которыя были въ МОНАРХИНѢ нашей извѣстное спокойство и блаженство Государства. Спросите, Почтенные Слушатели, для увѣренiя въ ономъ самихъ себя и другихъ, не большая ль часть изъ васъ сноситъ всякiя неблагополучiя и противности, и желаетъ самую жизнь свою продолжать, сколько бъ оная ни тягостна была, болѣе иногда для другихъ, нежели для себя. Отъ премудрости же МОНАРХИНИ нашей съ любовiю къ Отечеству соединенной не возможно не слѣдовать сему! Взирайте на сей опытъ ЕЯ усердiя къ Отечеству, коль наша безъизвѣстность ЕЙ дорога! Драгоцѣннѣе всего почитаетъ въ свѣтѣ благополучiе наше, всему предпочитаетъ спокойствiе и благоденствiе Своихъ подданныхъ, устремляется предпринимать всѣ возможныя средства, непрiятныя и отягчительныя единственно для сохраненiя нашего. Что можемъ мы воздать за сiе Великой Благодѣтельницѣ нашей! Торжествовали мы и торжествуемъ избавленiе ЕЯ отъ болѣзни съ искреннимъ усердiемъ, сколько нашей слабости вмѣстительно, но открываемся притомъ, что все сiе

есть

есть недостаточно, все не довольно: ибо не мы причина сего торжества, не мы начали торжествовать: начáло сему положила Матерь веселящаяся о чадѣхъ Своихъ. Но и сего еще не довольно: МОНАРХИНЯ наша всегда торжествуетъ въ душѝ Своей; всякой день многочисленныя жертвы Богу въ сердцѣ Своемъ приноситъ, спасая бѣдныхъ отъ напастей, изливая непрестанно на всѣхъ Свои благодѣянія и дѣлая безчисленныхъ, сколько возможно, щасшливыми. Мы жертвовали и жертвуемъ любовію какъ Матери своей, но и въ оной всемилостивѣйшая ГОСУДАРЫНЯ наша насъ предускорила: намъ на мысль еще не приходило глубоко впечатлѣнную въ насъ ревность и усердіе еще къ НЕЙ пріумножить, но Матерь пріусугубила Свою любовь незнающимъ намъ. Что жъ достойнаго мы воздали ЕЙ! Но напрасно мы трудимся въ изысканіи сего. МОНАРХИНЯ призираетъ на все великодушно, а Матерь Отечества не требуетъ ничего кромѣ единыхъ, какъ отъ дѣтей, усердныхъ сердецъ. Симъ святымъ союзомъ связуется владычествующая МОНАРХИНЯ съ Своими подданными въ Россіи! Естьли бъ кто изъ неимѣющихъ участія съ нами, узрѣлъ взаимныя наши съ Великою МОНАРХИНЕЮ торжества, никакимъ образомъ разсудить бы не возмогъ, о освобожденіи ли ЕЯ отъ болѣзни, или о избавленіи Россіи отъ опасностей, возсылаются здѣсь ко Всевышнему мольбы. Но не въ томъ союзѣ рожденные, слѣдственно и безъ чувствительныхъ сердецъ воспитанные въ сіе проникуть никогда не могутъ! Россійскіе жъ сыны только то непрестанно восклицаютъ, что когда МОНАРХИНЯ Сія съ нами, все чего желаемъ, осталося съ нами.

Хотя и продолжительнымъ ужѐ, надѣюсь я, вамъ, Почтеннѣйшіе Слушатели, кажуся, но продолжительнѣйшимъ бы еще быть желалъ, когда бъ я столько силъ имѣлъ,

имѣлъ, чтобъ совершеннѣе доказать могъ усердіе МОНАРХИНИ и Матери нашей къ намъ, и тѣмъ наивящше возбудить въ васъ охоту къ подражанію ЕЯ дѣламъ. Я прошу только на краткое время терпѣнія вашего, которое довольною наградится пользою, естьли выслушать окончанія для вашего будущаго добра не отречетеся: ибо хотя и къ моему предмету надлежитъ еще показать, однако не меньше и къ вашему благополучію слѣдуетъ вамъ яснѣе разсмотрѣть намѣреніе всемилостивѣйшей ИМПЕРАТРИЦЫ нашей отъ Матерьняго же благоутробія происходящее, чтобъ подданные для избавленія своего отъ естественной опасной оспы привитіемъ оной ЕЯ примѣру подражали: гдѣ вкупѣ увидимъ, что МОНАРХИНЯ наша не столько повелительнымъ гласомъ насъ къ тому возбуждаетъ, сколько какъ Матерь отъ любви собственнымъ Своимъ примѣромъ послѣдовать Себѣ совѣтуетъ.

Не могла ли бы владычествующая намъ повелѣть нашу собственную пользу наблюдать? Но ОНА Матерьней способъ употребляя на Себѣ прежде показываетъ оному примѣръ. Естьли сравните истинной матери знаки съ предпринимаемыми МОНАРХИНИ нашей о насъ попеченіями, увидите совершенное во всемъ подобіе. Матерьнее есть свойство претерпѣвать иногда гладъ, но чадъ своихъ питать: сносить хладъ терпѣливно, но согрѣвать рожденнаго собою: для отвращенія всякаго вреда вкушать самой прежде отъ того, что дѣтямъ своимъ подноситъ: на одрѣ смертномъ иногда лежа, сожалѣть и промышлять впослѣдни о чадѣхъ своихъ. Не равномѣрно ли и Премудрая МОНАРХИНЯ наша Сама Собою сомнѣніе рѣшитъ, чтобъ не опровергнуть вопервыхъ будущей нашей надежды и блаженства Всероссійскаго Наслѣдника? Сама Собою испытуетъ то, что другимъ кажется подозрительно: Сама

Себя

Себя болѣзни прежде подвергаетъ, чтобъ никто не думалъ на себѣ сперва что нибудь вредительное видѣть: Сама надъ Собою искушаетъ опытомъ, чтобъ не повергнуть въ опасность другихъ: Сама Собою наконецъ доказала, хотя и съ безпокойствомъ собственнымъ Своимъ, что благоденствіе наше настоящее и будущее и жизнь многихъ впредь симъ средствомъ можетъ сохраниться. Заключайте жъ изъ сего теперь, не истинную ль Матерь въ Себѣ представляетъ МОНАРХИНЯ наша предпріявшая болѣзнь для нашего спокойства и для увѣренія проистекающей изъ оной пользы. И такъ не должны ль мы согласиться послѣдовать ЕЙ, и подражать почти не столько какъ подданные, сколько какъ дѣти истинною Матерію увѣренные? Не должно ль на одномъ только семъ безпримѣрномъ примѣрѣ Матери нашей увѣриться и утвердиться? Кто матери своей когда не вѣритъ! кто сомнѣваться можетъ о желаніи ея чадамъ своимъ добра!

Къ вамъ обращаюсь, отдаленнѣйшіе потомки, съ вами мысль стремится о всемилостивѣйшей Нашей ГОСУДАРЫНѢ ЕКАТЕРИНѢ II. окончать мою рѣчь. Сожалѣніе, надѣюсь я, снѣдать васъ будетъ, что не сего вѣка жители вы были, что не зрѣли и не наслаждались МОНАРХИНИ нашей благодѣяніями, которыми мы нынѣ преизобилуемъ: но я для утѣшенія вашего подлинно увѣрить васъ нимало не сомнѣваюсь, что не слухомъ однимъ услышите ЕЯ дѣла, но узрите и вы ясно ЕЯ къ вамъ благодѣянія: достигнутъ и до васъ безчисленные ЕЯ труды: будетъ изливаться и на васъ ихъ польза: останется довольно и къ вашему удивленію и къ почитанію. Умалчивая о всѣхъ прочихъ ЕЯ великихъ дѣлахъ, возмите единое ЕЯ вышепредставленнаго предпріятія намѣреніе въ примѣръ: увидите, что оное не до единыхъ нынѣ живущихъ касается насъ, но

простирается и до всѣхъ васъ и послѣ васъ будущихъ родовъ: коихъ числа мы еще и вообразить себѣ не можемъ, премудрость же ЕЯ и любовь ко всему роду человѣческому въ безконечность проницаетъ и въ безконечные вѣки всѣмъ желаетъ благотворить. Хотя бъ вы представили себѣ и ЕЙ въ неизмѣримой обширности свѣта безчисленныя множества міровъ, Премудрая МОНАРХИНЯ наша стремилась бы на всѣхъ благодѣянія Свои всегда изливать: не малое подлинно узрите сходство, но несравненно большее различіе Россійской ЕКАТЕРИНЫ съ Македонскимъ Александромъ. Сей здѣлался Великимъ по тому, что хотѣлъ всѣ міры отъ гордости и отъ тщеславія завоевать, но ЕКАТЕРИНА Великою наречена, что отъ любви желаетъ всѣмъ благодѣтельствовать. Не нужны человѣчеству таковые Александры, да будетъ съ нами вѣчно Премудрая, Великая и Матерь Отечества ЕКАТЕРИНА!

Судите жъ вы насъ позднѣйшіе безпристрастные потомки! Несправедливо ль Россійскіе сыны поднесли сіе титло МОНАРХИНѢ вкупѣ и Матери своей!

А Ты благословенный плодъ чрева Благочестивѣйшей МОНАРХИНИ нашей Всероссійскій Цесаревичь и Великій Князь *ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЬ*, первый Преемникъ добродѣтелей Премудрой Матери Твоей, Наслѣдникъ подданныхъ ЕЯ и ихъ сыновнихъ сердецъ, которому сей день мы посвящаемъ, котораго мы радуемся спасенію и торжествуемъ, за котораго избавленіе отъ болѣзни приносимъ благодареніе Всевышнему, когда въ сихъ лѣтахъ послѣдуешь премудрости и добродѣтелямъ дражайшей Матери Твоей, великодушествуешь, милосердствуешь и любишь наслѣдіе Твое; чего не можемъ мы впредь отъ Тебя ожидать! Предпріявъ тоже, что всѣмъ любезнѣйшая Матерь Твоя

благо-

благотворительная МОНАРХИНЯ наша, для насъ, первой знакъ Ты оказалъ, что подражаешь премудрости, великодушію и любви ЕЯ къ намъ. Продолжай быть всегда любезнымъ всѣмъ! Пекися обладателемъ быть сердецъ! Поучайся всему у Премудрой Родительницы Твоей! Буди совершенной ЕЯ образецъ, и намъ всегдашній во всѣмъ примѣръ! Сіе Всевышнему Творцу угодно, МОНАРХИНѢ и любезнѣйшей Матери Твоей пріятно, Тебѣ полезно, Отечеству нужно, и всѣмъ свѣтомъ превознесенно будетъ.

Мы же, неизслѣдимый Боже! за неизмѣримое Твое благоутробіе, и за непрестанное призрѣніе Твое на Россію, возсылаемъ безконечныя Тебѣ хвалы!

Приложи Всевышній ко всѣмъ благодѣяніямъ Твоимъ на насъ изливающимся, да всѣ предпріятія Благовѣрной ИМПЕРАТРИЦЫ нашей всесильною и благодѣйственною Твоею рукою благословятся; прослави крѣпкій во бранѣхъ ополчающуюся ЕЯ на брань! Вознеси справедливое оружіе ЕЯ! огради вѣчнымъ миромъ всѣ предѣлы миролюбивой ГОСУДАРЫНИ нашей! и сотвори, да слава Великой но смиренномудрой МОНАРХИНИ Всероссійской съ владычествомъ Тобою ЕЙ врученнымъ, премудростію ЕЯ возвышеннымъ и любовію утвержденнымъ, тогда только премѣнится, какъ обетшаетъ солнце и кругъ сей мимоидетъ!

